

В ЧУЖИХ ГЛАЗАХ СВОЙ ЗАМЕЧАЯ ОБРАЗ...

Сборник переводов поэтов губернии Оулу, Финляндия

Авторизованный перевод с финского Я. Жемойтелите

ОГЛАВЛЕНИЕ

Хели Слунга	3
Туомо Хейккинен	12
Мийа Паани	17
Ээро Сувилехто	26

Хели Слунга (род. в 1982) родом из Терволы, сейчас живет в Кийминки. Поэт, независимый литератор, завоевала второе место на поэтическом конкурсе им. Ю.Х.Эркко в 2007 г. Первый поэтический сборник «Бог сюда больше не звонит» вышел в 2008 году. Вторая книга, «Мадонна из тени», вышла в 2009 году.

Излюбленные темы Слунга – волюнтаризм в межличностных отношениях, вовлеченность в социальную жизнь, сексуальность, северная ментальность и место женщины в мире. Ее стихи привлекают грубоватой смелостью. Слунга активно выступает, она завоевала второе место на поэтической

олимпиаде «Поэтическая лесопилка» в 2010 году.

Сейчас Слунга готовит к изданию третий сборник стихов «Книга раба», который выйдет осенью 2012 в издательстве «WSOY», выступает со своими стихами, пишет газетные эссе и в качестве приглашенного главного редактора занимается сборником «Поэзия новой силы» - выпуск 2011 года.

Тервола

Там, где темен затон
на реке Кемийоки,
две церквушки приклеились
к самому берегу:
новая и старая,

только службы проходят
не здесь, а в церковном приходе,
потому что в церквях слишком холодно старым костям,
которым давно пора бы рухнуть
на кладбище.

Слышит ли Бог Терволу?
Хватит ли места на небесах обитателям Терволы?
Озабочены люди:
а вдруг придется заказывать место заранее?
Кто знает, кого же теперь
назовет по имени и подхватит широкий поток?

Здесь были Хейди и Мэри.
Во бля!
Дерьмо.
Яни и Кати – хрен вам.
Позвони Хели, когда захочешь секса, -

так написано под мостом,
где молодежь выпивает летом,
где мальчишки как-то повесили
кошку глухонемого придурка,
где девчонку, пьяную в стельку,
изнасиловали однажды семеро мужиков.

И все же жизнь продолжается в Терволе -
цепью последующих поколений,
здесь по соседству находят супругов,
с которыми потом производят детей,
и возвращают жадную землю.

Одному из детишек суждено скатиться с моста
на самое дно.

Это почти очевидно

здесь, в Терволе.

(из сб. «Бог сюда больше не звонит»)

* * *

На горизонте вот-вот появятся танки.
Гигантские жуки, шершни с наставленными жалами
и сетчатыми глазами...

Ползущего хода танков
мы ожидаем, прилипнув к окнам,

и слушаем тишину эфира.

Тихо.

Как будто уже расстреляли все запасы ракетниц.

В воздухе запах пороха, мутный хмель

и звенящая невозможность что-либо изменить.

Горизонт остается пустым.

Если бы ты ушел, я бы писала тебе на фронт.

и строчки лились бы легко, как течение,

и я б улыбалась тебе между строк...

Первый день нового года.

Пустой белый квадрат.

Нас двое на всей земле

И грязный снег в сердцах.

(из сб. «Мадонна из тени»)

* * *

Я бы желала сегодня с утра возродиться из пены морской,
с перстами пурпурными выйти из мрака,
а после с черной рыбешкой поплавать, плескаясь...
Груды мои колыхались бы в пенных волнах как живые медузы,
гладкая кожа на солнце блистала,
а жемчуг и звезды морские прочно в сетях застревали б янтарных волос.
Как солонны на рассвете русалки объятья!

Но - я всего лишь волна, тихий всплеск, незаметный
ток переменный на глади морской, я растение,
хищно припавшее к жертве,
странная форма жизни подводной...

Я - наводнение, которое каждую ночь набегает
тебе на глаза.

* * *

Видала я ваш черепаший язык - ха! –
сотни раз, и слюну, что блестит в темноте, изо рта вытекаю.
Вы все одинаковы, да!

Где только обитает душонка стареющего мужчины?
Может, в глотке застряла, а может,
где-нибудь в месте ином,
где хотят запретить все, что можно,
напялить на женщин чадру,
сочинять предписания,
ничего не зная о том,
в каком положении держать руки, ноги и яйца.
Где-то там, на границе реющей шевелюры
обитает, наверно, сварливая баба...

О, стоит закрыть глаза -
и я вижу Африку.

Я представляю,
как поднимается красное солнце,
преломившись в эвкалиптовой кроне...
Я никогда не бывала
в той стране,
по которой я очень, очень скучаю.

(из сб. «Мадонна из тени»)

* * *

Десять лет, проведенные
в слишком тесных туфлях, - а то не отразятся они на лице!
Представьте себе эту боль, которая
прочертила морщинки и тени у меня под глазами.

Эти ночи без края
в сумеречных кабаках,
когда только и остается
посасывать трубки, окурки да чужие рты,
- с вывернутыми лодыжками,
лишними пальцами и больными костями,
втиснутыми в хрустальную туфельку...
(Может, когда-нибудь все-таки явится принц!)

Неужели мне так и придется притворяться
крошечной,
ходить с отпечатком пряжки от ремня на животе,
поочередно вывешивая на лицо подходящие выражения,
что твои картины?

Ах, ах! Помещусь я в эту картинку,
или то что сверху, отрежут?
(из сб. «Мадонна из тени»)

Лилит

Ты не спишь, а мне нравится выделять вот что: с удовольствием красть у соседей ночные сны, браки и жизнь. Втирать в свое лицо красное мясо, соль и перец, награждать примерных жен триппером и кондиломой, а меж грудей носить баночку с трихомонозом. И когда ты закрываешь глаза, занимаясь любовью со своей женщиной, я присутствую там же: этакое плотоядное растение щелкает зубами над твоим животом, извергая пену и липкое семя на простыни. Местные жители всегда говорили: эта женщина будет в геенне гореть, и вот наконец ты сам в это поверил, и ты тоже, мой друг. Ну так что ж? Я уйду, хохоча, прихватив с собой златокудрую головку твоего ребенка.

(из сб. «Мадонна из тени»)

Проблемы

1.

Вечно у меня проблемы с вещами:
ложки не сгибаются как надо,
чахнут комнатные растения,
дела пропадают бесследно, разбиваются или начинают пованивать.

2.

Вот, вчера я вынесла во двор матрас и сожгла его,
и вдруг вспышкой пламени промелькнула мимо меня – ты, моя жизнь.

3.

В библиотеке никто не советует, что почитать:
я провожу пальцами по корешкам книг,
как по онемевшим клавишам рояля.

4.

Думаю, что
у меня на прослушке: телефон, электропроводка и радио.

5.

Батарейка вибратора изнашивается слишком быстро,
в черный глазок камеры наблюдения затекает мир,
а в замочную скважину - шаровая молния.

6.

Как же здесь жить?
Нам даны только общие инструкции,
мы - печальные механические куклы под мокрым снегом:
Не пей, ешь, работай

и помни, что за тобой следят!

7.

Я скорее похожа на тех,
кто сокрылся в лесу,
ест и поет,
теряет зубы и волосы.
Им принадлежит тот путь, которым они идут -
натерев мозоли на пятках
и дырку в душе.

8. Понятно только одно:

Нельзя изводить поэзию на зажигалки;
из нее стоит делать клинки.

(из сб. «Мадонна из тени»)

* * *

Когда женщина разложилась, завяла
и попросту померла,

через тысячи лет является некто с трепетными руками.
(О, наконец эти трепетно-теплые руки!)

Смешивая слои благодатной почвы, он копает,
находит черные зубы, обломки костей,
пустые глазницы, искривленные ребра,
бриллианты, утопленные в обручальном кольце,
серьги, некогда оттянувшие уши,
отвалившиеся накрашенные ногти,
окаменевших паразитов, спящих в своих жемчужинах...

Он находит прелестные остатки
Американских горок,
На которых катались, пока они не сломалась.

Homo sapiens sapiens, да еще самка,
самая порочная из игрушек Бога.

(из сб. «Мадонна из тени»)

* * *

Эй, гляньте, кто там –
с личиком херувима,
с золотом в жилах
и цветком страдания на лбу,
похожим на тарантула, напившегося крови?

Ну, и что прикажете с ним поделывать?
За окном сгущается вечер.
Я же не выгоню его на улицу:
он замерзнет ночью на голой дороге,
и мне утром придется объяснять,
что нет-нет, не мое это вовсе,
я ничего не знаю о нем –

ведь я просто
женщина, бедная и простая.
Ломкая, хрупкая посуда...
А в кармане у меня только
штопальная иголка,

чтобы крепко-накрепко
зашивать глаза.

(из сб. «Мадонна из тени»)

Поэт II

Представьте себе персону в пограничном состоянии, меланому,
пойманного в сеть своих импульсов и вожделий маньяка,
потного механика,
отъявленного брюзгу, ограбленного секс-туриста,
нудиста с отвисшим животом,
полуглухого синестетика в вечном чаду серной кислоты,
эстета скворчащей яичницы - ночью и без плаща,
принцессу-поэтессу, нюхающую на помойке клей,
с неутолимой жаждой сладкого и обоссанной липкой простыней в мозгах.
Почему у меня
навсегда потеряны: умеренность&мораль&разум,
при этом: липкий пучок волос,
колени в крови и грязи,
обломаны ногти и часовые стрелки,
отвинчены датчики километража в машине,
зато вечно случаются: летние сандалии на скользком льду,
а также обширное сотрясение мозга или похмелье? (*

*)В качестве средств моего спасения следует перечислить ореховое мороженое, остро заточенные коньки, молодых мужчин, множественные оргазмы и случайную иллюминацию улиц на рождество.

(из сб. «Книга раба»)

* * *

Муж,

я пишу это на аэродромах, вокзалах и в портах -
езде где прощаются или встречаются влюбленные.

Я – лишь придаточное предложение,
явление, которого нет, легкое пожатие плеч в толпе.

Без разницы, где ты сейчас: айсберг в нашей гостиной давно уже
перекрыл вид, и от тебя осталась только рука, лежащая на пульте,
случайный фрагмент силуэта в кресле.

Впрочем, есть еще кольца: я храню их,
дабы наслаждаться блеском бриллиантов, как сорока,
ложью, отлитой в кусочки сахара, которые почти ничего не значат, а все же дороги.

О, неужели когда-то и на меня тратили тысячи евро и мыслей?

И вот теперь я гляжу вокруг голодными глазами, знал бы ты, **какой у меня голод!**

Мимо в спешке текут люди и быстрые поцелуи,
их юная любовь делает меня желчной старой бабой, кислым сухофруктом.

Я никуда не стремлюсь, в отличие от них,
я просто здесь сижу и смотрю, чтобы хоть на *мгновение отсутствовать*.

Знаешь, муж: это последний звонок, больше не будет времени,
ни фи́га не будет,

другая история не начнется, не случится даже перерыв на рекламу, в котором мои желания
рассмотрят лично и скажут, что я достойна всего:

счастья, гладкости, мягкости, хорошего вкуса и тонкого аромата -

однако исполнение мечты возможно только при одном условии,
и это условие отдалается, утопленное в лоне дивана,
так и сидит из года в год,
труп, плывущий в сточной канаве.

(из сб. «Книга раба»)

Туомо Хейккинен (род. в 1980 г.) работает в Комитете по искусству губернии Оулу. По долгу службы поддерживает профессиональных писателей губернии и продвигает региональную литературу Оулу. Т.Хейккинен организует различные литературные мероприятия, например, писательские турне. Его цель - создать в Оулу «Дом литературы».

Туомо Хейккинен выступает со своими стихами по всей Финляндии уже многие годы и с большим успехом участвовал в конкурсах декламаторов. В 2005 г. он получил почётный отзыв на поэтическом конкурсе им. Ю.Х.Эркко. Т.Хейккинен также ведет авторские колонки в прессе.

Т.Хейккинен некоторое время возглавлял общество литераторов «Huutomerkki ry» («Восклицательный знак») и продюсировал региональный литературный фестиваль «Oulun Muusajuhlat». Родился в Кухмо.

Каллиопа – муза эпической поэзии

О птицах я хочу вам рассказать.
Но нынче ночь туман вплетает в косы,
а где-то на веселом побережье
два юных сердца трепетно ликуют,
в чужих глазах свой замечая образ.
О, сколько боли им сулит любовь!
Однако есть во всем задумка божья,
ведь никого в утробе материнской
не посещают мысли-сны о смерти.

Там паровоз, забыв свои вагоны,
на всех парах куда-то вдаль умчался,
оставив плыть фатальный звук гудка...
Я кажется, уже успел сказать,
что молодые об руку сидели,
но сколько боли прозвучит в финале
большой любви!..

Уже нельзя поплавать
у пристани, где лодки приютились.
Там море умерло. Ах, вы опять о птичках?
Да бросьте. Вместо них теперь заводы.

Эрато – муза любовной поэзии

Салюта залпы где-то с краю неба,
А я меж тем везу тебя на остров.
Как если б ты уже ждала ребенка.
Я без смычка готов сыграть отрывок
на скрипке твоей шеи...

И вся твоя любовь – само движение,
исполненное нежности. Позволь
скользить туда-сюда по струнам.
Согреемся: костер отдаст тепло...

Дурманом пахнет эта шея-скрипка,
и, что бы ни случилось, все равно
твоя любовь – мне лучшее лекарство.

«Никто, кроме тебя», – шепчу с надеждой.
Ты крепче прижимаешься ко мне,
меж тем бомбардировщики все ближе,
с полей они зерно вздымают в небо...

Шоссе 899

Вряд ли я встречу кого-то
в это время на этом шоссе,

подумал лось.

Берлин

I

А мы с тобой прелестней, чем щенки, ты шепчешь. Я впервые влеку тебя на свет, лаская и дразня, и свет мелькает в кронах, и птицы в нем плывут. А мы с тобой лишь заняты друг другом.

На фоне озера рисуется эстрада, стены остатки и опять же – мы.
Мы с брызгами в бассейн с тобой ныряем, а в сауне потом втираем в кожу попеременно соль и мед...

О, этот город переживал еще какое зло! Бывало, лавировал под пристальным прицелом, боясь уснуть хотя бы на секунду. Так, широко открытыми глазами, глядел он в ночь, исполненную страха и первобытной тьмы.

Светильников ему не доставало. Они тогда хрустели под ногами с осколками снарядов вперемешку.

И вот теперь я очищаю раны, которые не в силах излечить ни время, ни кликуши-чайки, которым не удастся растащить по гнездам остатки памятников – равно в них воспеты гонимые, герои или боги.

Да-а, население в монументах здешних сумело возвеличить свой позор!

II

О, если я на паперти уснул, возможно ли назвать меня бездомным?

Цветочные гирлянды оплели дверь в церковь. Винтовые лестницы все выше, чем кто-либо способен обозреть. А между небом и землей – сияние. Сегодня понедельник, так что, братья, я остаюсь внизу.

Стена и листья под ногами в парке меняют цвет. Я прислонюсь к моим узорным кленам: мы родственники вроде. Махаон у озера застыл, как украшеньё. Его укрою бережно ладонью, чтоб не настигло дуновенье жизни...

Две утки на меня глядят прицельно. Довольны ли своей утиной сутью, сказать я затрудняюсь, но отмечу, что уток не волнует однозначно рост цен на землю и зерно, пожары...

Вот селезень увлечь желает самку. Я уткам хлеб крошу и ощущаю, что в воздухе застыло ожидание: проявится ли как-то красота, которой всех нас наделил Создатель?

III

Подумайте, уму непостижимо! О, сколь жестоки, бессердечны люди! Я понял: в сотню лучших во вселенной уже мне не пробиться, ну и ладно! Но время неужели не исправит таких ошибок? И кошмар продлится?

О, у грачей отняли мегафоны. Потом воздвигли стены из гранита и проволоку из шипов слепили, а из песка построили богов. Вот: нить вольфрама в сны мои проникла, по ней огонь устроили солдаты, за сутки обесценив все законы, что писаны на каменных скрижалях.

И тут, и там висят на каждой елке плакаты с надписью: «Нельзя! Нельзя! Не суйся!» Так иссыкает всякая надежда, и в суете сует восторг тускнеет. И все, что остается человеку, - наручники, запреты и оковы. И громче псов бранят судьбу изгой, что из песка богов себе слепили.

И в общем сне насущного абсурда насилие почти что справедливо. И весь кошмар, когда в него взглядеться, покажется довольно гармоничным, как колокола звон на отдалении. Или как звук ломающихся веток. Или камней, летящих прямо с неба.

IV

Хочу закрыть глаза в сени больших деревьев, чтоб в мыслях и делах не ошибиться. И слышать только шорох юбок твоих на шаткой грани темноты и света... На мне сегодня пестрая рубашка, а больше ничего сказать не смею я о самом себе.

Ты бродишь где-то в образах и снах. И даже если этой ночью тебя со мной уже не будет рядом, ты все равно мне явишься во сне.

Так незаметно нас покроет позолота под ласковыми пальцами светила, и солнце нас разденет постепенно на берегу, где я тебя ласкаю и где твое впервые нежу тело – в чужом краю, под небом иностранным.

Но почему я не сойду с ума? Ты в сказке – той, что я же сочинил. Я строчки прячу в твоём пупке, и ты насквозь моя - до этого пупка, до средостения.

Мы на развалинах с тобой сидим. Я в волосах твоих зарыться хочу и гладить твой затылок, и весело смеяться – оттого, что больше ничего сказать не смею я о самом себе.

V

Парк листьями шуршит шероховато, тревожно так. Меня желая приковать навечно, цепочка на моей ноге пленяет яблоню... Я лилии сажаю под реденьким дождем. И осторожно так касаюсь шипов цветущей розы, не желая пугать растерянную красоту растений...

Вон там, на спинке скамьи садовой кто-то позабыл свой красный свитер и белые трусы еще развесил. И если этот кто-то, вот чудак, задумал голым в реку погрузиться, живот его вот-вот всплывет наружу.

Я в воду захожу. Зачем – не знаю. Тот берег манит, там на мелководье беременные жаждут плавать брасом. А рядом раздеваются девицы.

На плечи мне отнюдь неосторожно два жаворонка мудрые садятся и так поют, что нам необходимо служить земле, что освещает солнце и ветер между делом овеивает, порой палит огонь, и увлажняет огромный серый дождь... О, как мне жалко сей старый мир, но я же не сумею один его спасти!

Поэтому я просто оставляю известия для тех, кто будет после, и к берегу тенистому тащусь, признаться, с невеселым настроением. И думаю: а вдруг сама природа, надев свою осеннюю рубашку и точно так же в воду погрузившись, забудет, что чревата новой жизнью?

VI

Танцор уносит тайно, контрабандой, отрывок переменчивого счастья между страниц блокнота-дневника. Он только что с подругой развлекался на том лугу... Позвольте, сбился с ритма еще его отец, но тело все же помнит бесхитростные быстрые движения.

На площади истории дыхание, а парки сплошь исполнены гирлянд и женских колыхающихся юбок и даже лебедей... На церкви нет венца. Нет, в городе моем его б разбили тотчас после войны.

А впрочем, вся жизнь – неверные шаги и смелость предавать, к тому же. И в закутках отыщется для статуй, все, что потребно. Только стоит помнить: не каждый памятник ваяется из камня.

Но если сам я решу воздвигнуть стену, то какую построю в результате? Да, и насколько прочной, сколь высокой будет моя стена? А может быть, получится стеклянной? И скоро ли ее разрушит время? Или я сам возьмусь за этот молот?

О будущем вещает каждый камень. Когда стемнеет, я начну дышать подушечками пальцев, чтоб ощупать все, что вокруг. И каждый местный житель потребует особого подхода. Но одному мне это не под силу.

Мийа Паани (род. в 1969) – поэт и педагог из Оулу. Первый сборник стихов «Посвящается безымянному» вышел в 1996 году, а «Деревья на корню и женщины» - в 2010-м. Она также пишет стихи для детей. К тому же, ее афоризмы вошли в сборник «Книга плотных мыслей. Афоризмы: лучшие из новейших» в 2011 году. Стихотворения Паани переводились на английский, были представлены на поэтической выставке в Швеции и записаны на поэтический телефон.

Первый сборник Паани хватило за развитие «языковой игры вне узнаваемых прообразов», а также за то, что она пишет о себе как о «звене в цепи многих поколений женщин». Ее последний сборник называли опытом переживания собственной женскости, отмечено, что в нем модернизм перетекает в народную поэзию.

Паани – член союза писателей губернии Оулу, группы «Восклицательный знак», а также общества друзей книги «Amici Librorum».

Стихотворения

Я цветком распускаюсь
солono-сладким,
словно у бабушкиной печки кисло-пряной,
,
словно приемыш в пеленках - я распрямляюсь...

О, если б можно было нырнуть обратно в утробу
с пианино вместо бирки на ножке,
прихватив с собой клавиши и купель, ни разу не бывшие в употреблении...

Кривда!

Кто-то же был моей настоящей матерью, и кто-то
растил мой сиротский запах.

Только давайте простим за это
бабушку, маму и ее глупую дочку!

* * *

Луна из лунного кувшина проливает
свой светлый сон...
А солнце поцелуями осыплет мне волосы,
разбудит луг и поле, зашелестят деревья
в густом лесу...

Я опишу тебе растений красоту,
ночные тени...
Луна льет белый свет, а солнце – золотой.
Луна – моя сестра, а солнце – мать...

* * *

Я сидела на стуле и просила отрезать
змеиное гнездо, выросшее на моей голове.
Волосы – это змеи,
которые показывали ножницам злые языки,
падая с головы в таз...
Языки – изжелтые, раздвоенные, гадючьи...

На обратном пути остатки волос на ветру
лизали дорогу: шаг вверх

шаг вниз

и шаг вверх-вниз...

* * *

Все это правда. И все это происходит со мной.

Я и без зеркала представляю

свое полосатое лицо

с солеными бороздами.

Я живу в этой повести,

не управляю и не играю...

Я постигаю и принимаю.

Я не раз возвращалась в начало дорог,

все двери открыты.

И на этот раз я вернусь,

беременная желанием.

* * *

Сквозь скважину замочную во лбу

смотрю на мир, но вижу – увы, себя одну!

А что если начать писать истории

вот так, наоборот:

от смерти человека к его рождению?

Толкуют ведь, что было...

Получится история длиною в ночь,

тысячекратно – сказка.

* * *

Когда я гуляла,
со мной говорили птицы,
мне позвякивали дорожные указатели, сверяя путь,
земля сама крутилась мне навстречу.

И вдруг все вокруг наполнилось
архангелами
и архибуднями,
старушками, вспорхнувшими с балконов,
ткаными ковриками,
постельным бельем,
воспарившим на чайчьих крыльях.

А потом хлынул дождь из слов утешения
с верхнего этажа.

И я поняла, что сатана существует только в воображении,
заставляя нас сомневаться в справедливости миропорядка.
А на самом-то деле никем не нужно жертвовать, никем абсолютно.

Солнце припекает мне спину.
Дует попутный ветер.

* * *

Тот, кто готов ко всему, свое наконец получит.

Того, кто строит тюрьму, наконец освободят, когда он захочет.

Тот, кто несет на себе все, даже оковы, свитые из цветов, тоже будет свободен.

Звонят слова...

Любовь – не закрома, наполненные доверху.

И нет конца любви, до краев ее не наполнишь.

При этом никем не нужно жертвовать,

никем абсолютно.

* * *

Березовая клеть.

Избушка.

Дрова.

Лес на корню.

Гимн

с воздетыми к небу руками.

Солнечный ветер,

золотой дурман,

от которого лес плывет

и шумит в висках.

Винтовые лестницы веток
внутри моей головы,
все выше в звенящее небо.
И не поймешь, где граница
Сумасшествия и рассудка.

* * *

Как новая жизнь рождается из ствола в свой срок?
Как выпускает ручонку росток на шероховатую поверхность дерева?

Гляди, тело женщины
обвивает платок, яркий, как зеленая ветвь.
Зеленый-презеленый,
а в кронах играет оранжевый свет,
и платок обвивает
женщину, которая, танцуя под солнцем,
распадается на тысячи осколков мозаики.

Дождь,
Только не прекращай утолять жажду деревьев!
Солнце, не увядай!

* * *

И пусть я только девочка-тростинка,
но сон в моих руках,

я знаю, кто ты:

морское чудовище, у которого четыре руки и три ноги,
на них в совокупности несколько десятков пальцев.

Зачем тебе столько?

Вот песок,

вот я выдуваю из себя слова, подобно мыльным пузырям.

И по ходу дела ты теряешь

ноги,

руки,

голову.

И, когда все наконец сказано,

рождается то самое Слово,

затем второе,

и – пауза.

Афоризмы

Шум собирается в раковине. Слово – жемчужина.

Тишина сбегается в углы. Можно ли дышать так, чтоб не издать ни звука?

Неслышный голос эха не дает.

Окружающие люди отражаются в нас. Равно как и мы в них.

Могли бы и горы свернуть, если б не оставались самими собой.

Зло поддается классификации, а добро – всегда добро.

Будни школьника – чернила в жилах.

Сломался карандаш – наточи память.

Решение проблемы. Зри в корень, но не зарывайся.

Деревья говорят каждое само за себя. Лес – на общем для всех языке.

Собака ниже человека. Поэтому человеку приходится кланяться.

Собака пьет святую воду. И только из верхней чаши.

Дом строит человека.

Слова и образы текут свободно. А ты строишь для них корабль, тюрьму.

Небо – сплошное провидение, серебряно-облачный берег, вещающий людям.

Птица – дитя союза земли и неба.

Ээро Сувилехто (родился в 1947 г.) - доктор филологии из Оулу, писатель, переводчик и логопед, который называет себя литературным чернорабочим. Начиная с 1976 г. он опубликовал несколько сот стихов, афоризмов, рассказов, газетных колонок, очерков и переводов в различных журналах и сборниках. Последний сборник афоризмов Э.Сувилехто «Крутить колесо обозрения» вышел в 2010 г. (издательство «Vihreä Kettu»). Э.Сувилехто – автор семи книг. Его часто цитируют, произведения переведены более чем на десять языков.

Сувилехто многие годы преподавал логопедию в университете Оулу, подолгу работал в различных университетах Европы, в том числе в Софии и Рейкьявике. В Вене Э.Сувилехто читал лекции по приглашению.

В этом году выходит новый сборник Ээро «Фантомы из пепла – письма из Рейкьявика». Книга содержит актуальные и вневременные стихи, афоризмы и фрагменты. Художник смотрит на мир из Исландии, таинственного острова сказок и историй.

Фантомы из пепла – письма из Рейкьявика

Есть море только одно, и есть три различных манеры,
у глади морской находясь, созерцанью предаться.
Как тот человек, например, который себя лишь увидел
– и тут же пропал.
А можно на море смотреть, совсем ну как та девчонка,
что долго на склоне сидела и вдруг потянулась к волнам,
вошла в них серебряной рыбкой.
А можно смотреть, как когда-то
смотрел потрепанный викинг.
Да, черт возьми! Как викинг.

I Танцующие волны

* * *

Морозной ночью как-то раз во фьорде, –
вы оба с братом маленькие были –
и вот проснулись посмотреть на звезды.
И твой братишка отправлял неспешно

В туман окна кораблики-мечтанья.
С тех про прочли вы очень много книжек,
Но столь огромной больше не встречали.

* * *

Строила птичка гнездо.
Только крыша готова,
вон там: это небо!

* * *

Викинг и сам не знал, куда едет:
Торговать ли, разбойничать.
Там, на быстрой ладье, будет время подумать
О своей судьбе, в том числе.

* * *

Как звезды на самих себя похожи,
иглой Господа проколотые в небе.
Внизу, обрамлено озерным берегом,
застыло зеркало.

* * *

Море – мокрое небо.
По небу рыбы летают.

* * *

Внезапно вздыбились окна и – семью из четырех человек впечатало в стенку ресторана, а потом кинуло на пол. Вот тебе и морская прогулка! Их вырвало той едой, которую они только что съели.
Незадолго до входа в порт Сейдисфьорда официант возвратил им деньги.

* * *

Здесь земная кора разверзлась.
Учит держать открытой черепную коробку.

II Белесая подошва Господа

* * *

Морозной сказкой плотно облаченный,
дом голову твою напоминает.
Так небо надевает на султана
тюрбан иссиня-белый.

* * *

Как будто Господа белесая подошва –
вон там туман клубится.

* * *

Земля обычно выдувает в воздух фантомы, нарисованные пеплом,
а в просторечье просто миражи.
В кармане у нее меж тем бывает совсем другой табак.

* * *

В Исландии, на самом краешке шляпы Господа нашего, иногда сам Иисус бывает
язычником.

* * *

Безбожник – тот, кто ни разу не дрался с Господом.

III На чердаке Элсемии

* * *

Ты так легко ступаешь по земле, что вряд ли
понимаешь сам,
ты ангел или человек.
Но если хочешь, я одолжу тебе на время
свои следы.

* * *

Тем летом на известном чердаке
в домишке у Элсемии, прикинь-ка,
дождь лил как из ведра, рычали тучи,
сверкали молнии, и кости жгла геенна,
и все ж при этом голубело небо
спокойно так в моей оконной раме.

* * *

Вот там я выросла, в объятье тесном фьорда, в горсти у бурь и наводнений, да... – Элсемия
мне тихо рассказала. – Ведь жизнь – урок, завещанный нам Богом. Его должны мы делать с
прилежанием, насколько нам погода позволяет. В свое-то время, дети, мы в полутьме избы
читали книжки, все в черных переплетах. В те времена для Господа годились готические
буквы...

Однако ж не все усвоили предложенный урок. Которые в Америку сбежали, а кто и проклял
жизнь на этом фьорде.

И все же было лето, птицы пели, и плыли корабли и облака, а там порой мы видели кита...

* * *

На пристани рыбачьей никого
ты не пропустишь мимо при желании.
Поймаешь вздох оконных занавесок,
а там и мысль, отпущенную в воздух...
Мария все смеялась, все дразнила
своими волосами на ветру.

* * *

А то жила одна семья в Хьярдархаге, точно.
Красивые детишки, там, жена...
И только ветры на дворе, бывало,
все ссорились, куда им дуть, беднягам.
«Vilkomin heim!» – кричал тогда сосед.

* * *

– Исландия неправильная эта, – дочурка плакала, когда пытались мы пробраться к школе под вертикальным проливным дождем. – Совсем не та Исландия была на фотографии у тети Тупу, – так всхлипывал ребенок.

IV Сказки о чужих странах

* * *

Тебе во сне явился город Лондон.
На арочных мостах позолочённых
у лошадей бубенчики звенели,
из-под копыт снопом летели искры,
изящно так на небе рисовался готических построек силуэт,
прозрачные река катила волны...
Твоей чудесной сказки о Лондоне, нет-нет, я не разрушу,
не будем вовсе говорить об этом.

* * *

Даже на острове сказок рассказывают сказки о чужих странах.

* * *

Ах, в наших деревнях еще мы можем ласточек увидеть,
во фраках, разве что цилиндр не носят, только
гнезда они у нас теперь не вьют.

* * *

На рынке зафиксирована секта, которая давно уже, представьте,
считает за религию валюту!

* * *

Вторая мировая война – столь мощное средство реанимации, что третью пациент вряд ли выдержит.

V Золото и амальгама

Капитализм завалил социализм, но переживет ли поминки этого медведя?

Деньги поработают человека обычно мирным путем..

Все одинаково шлюхи, разве что из разных борделей.

Следовало бы подраться и с этим богом, да пустоту не ухватишь.

Экономика – отрасль поэтической науки,
очень опасная для поэтического населения.

А мужики все пьют, ожидая, что вспыхнет спиртовая горелка.
Солнце-то для них уже погасло.

Бедность в этих краях – известный гость, правда, не встречали ее некоторое время.

Не знал я его, только видел, что он за собой таскает
тень человека.

VI Вороны у врат Сейдисфьорда

Линия жизни – та же морщинка.

Время заболело: кукушка хрипит в часах.

Ты мне то же шепчешь, сирень, что в тумане другие растения.

Если едешь в Норвегию, ты отнюдь не туда едешь,
а направляешься отдельно в каждый фьорд.

Стихотворение – это пункт пересечения границы, только станции там не бывает.

Благословим животных, ведь мы – это они!

Как бы ветер ни менялся, а все в нашу сторону дует.

Время – слепое существо, его следует приручить.

Представьте, что на въезде в Сейдисфьорд меня встречали радостно вороны,
а уезжал – преследовала стая налоговых инспекторов. Меж ними
какая-то житуха состоялась.

Край земли и край неба все еще держатся друг за друга.

Авторизованный перевод Яны Жемойтелите